

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

СУДЬБА РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОГНОЗЫ И ФАКТЫ

Т.М. Балыхина

Факультет повышения квалификации
преподавателей русского языка как иностранного
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются вопросы глобализации (американизации), интернационализации систем высшего образования, обозначаются возможные положительные эффекты и негативные последствия, в том числе в отношении отечественных языков. Обсуждается проблема необходимости сохранения национальных языков науки и пути ее решения. Описывается опыт Германии, Франции по сохранению идентичного культурно-языкового пространства.

Ключевые слова: русский язык, российская наука, американские стандарты, высшее образование, интернационализация, глобализация.

Тема данной статьи родилась не случайно. На мысль о ее создании натолкнула публикация Л. Борганса и Ф. Кёрверса под названием «Американизация европейского высшего образования и науки», в которой авторы, используя четко выверенную аргументацию, систему вычислений, обилие примеров и таблиц-иллюстраций, доказывают, что «использование в европейской образовательной и научной системах английского языка и концентрация внимания на американской науке... принесет все больше выгод. Стоит только начать», и это станет предпосылкой научно-образовательной конкурентности Европы.

В качестве примера удачного начала Л. Борганс и Ф. Кёрверс приводят Нидерланды.

Интернационализация голландского высшего образования проявляется, по мнению указанных выше авторов, во-первых, в том, «что все больше студентов из Нидерландов отправляются на учебу в США и все больше американских студентов едут учиться в Нидерланды». Благоприятствуют этому организованные в университетах курсы по предметам на английском языке [3. С. 11, 25]. Приво-

дятся исчерпывающие факты, иллюстрации растущего доминирования в научных изысканиях на европейском континенте английского языка: «сейчас во многих областях науки публиковаться на английском — обычное дело» [3. С. 26]. Далее следует убедительное утверждение: «Общение на одном, а не на разных языках гарантирует обратную связь с научной аудиторией по всему миру» и т.д. [3. С. 26].

Трудно спорить с этими *благими намерениями*. Но не проходила ли уже все это российская наука? Вспомним немного ее историю, путь к независимому развитию в следующем аспекте — непростого становления ее языка.

О языке российской науки. Можно наметить несколько интенсивных периодов в формировании языка науки вообще и российской в частности. Наиболее активный процесс становления новых понятий, категорий, величин справедливее отнести к XX в., когда для русского общелитературного языка специальная лексика становится едва ли неосновным источником пополнения словарного состава. И наоборот. Обогащение общего словаря служило свидетельством очевидного прогресса отечественной науки.

Известно, что внутри европейского историко-культурного ареала первыми творцами отраслей знания, а также специального языка для обозначения этих знаний были греки (геометрия, математика, физика, астрономия и т.д.), которые сумели «подготовить» слова родного языка для последующей терминологизации в будущих научных системах. Строй греческого языка оказался лучшей базой для создания научных терминов, так что латынь, ставшая на протяжении столетий языком ученых Европы, оставалась своеобразным проводником греческих моделей, терминологических компонентов и элементов. Греческий язык, наряду с церковнославянским, считался языком ученых и в ряде стран Восточной Европы.

Латыни, пришедшей ему (греческому языку) на смену, пришлось пережить разные периоды признания и непризнания, так как, к примеру, в эпоху Возрождения обострилась ее конкуренция с национальными языками, ученые отстаивали не на словах, а на письме свое право излагать научные мысли на отеческих языках и добивались в этом противостоянии успеха.

Считают, как правило, что русская наука и ее язык стали складываться в Петровскую эпоху. Авторы монографии «Общая терминология: Вопросы теории» А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева, опираясь на собственные исследования и мнения других ученых, оценивают эту концепцию как ошибочную. К примеру, еще задолго до времен Петра I определенной интернационализации знаний способствовали постоянные обмены церковными представительствами. Русь отличалась монастырской ученостью, многие монахи владели, говоря современным языком, международными научными системами — греческим и латинским языками.

Тем не менее культурно-языковой особенностью России стало существование своеобразного двуязычия: наряду с русским народным языком устного общения использовался искусственный письменный язык — церковнославянский (сформировался к концу XVI в.). Этим несколько возвышенным, в некоторой степени отрешенным от жизни языком пользовались те немногие, чьим достоянием стала наука.

С начала XVIII в., в эпоху Петра Великого, в делающий первые шаги и изобилующий славянизмами русский литературный язык начинают проникать заимствования из научных трактатов, руководств и т.д. и закрепляться в нем, поскольку готовых слов для передачи новых понятий не было. Нередкими оказались случаи и специального словоконструирования. В результате такие сферы, как военное дело, право и дипломатия, коммерция и финансы, строительство и хозяйство, воспитание, образование и наука и др., представляли собой нагромождение разноразличной лексики, постепенно расширявшей или сужавшей свои значения, изменявшей формы. Сравните, например: *нейтральство*, *неутралитет* и, наконец, *нейтралитет*. Переводчики, сталкивавшиеся с лексикой отовсюду, также породили смесь русских, церковнославянских и иноязычных элементов и форм.

Выход был найден благодаря переоценке возможностей церковнославянского языка, который сумел хорошо ассимилировать проникшие некогда в него греко-латинские формы. Однако пока наука развивалась в монастырских стенах, для ее изложения церковнославянский язык годился. Выход науки за пределы монастырей обозначил необходимость перехода на общенациональный язык.

Вместе с тем в России далеко не всем изысканиям отечественных ученых давался ход: дворянство признавало и ценило западноевропейскую культуру, иностранцы в научных обществах и учреждения проводили идеи своих соплеменников, при этом отнюдь не на русском, а сначала на латинском, затем на французском языках. На этих языках представлялись и труды Российской Академии наук.

Несмотря на справедливость суждения о том, что термин материально принадлежит тому языку, на котором осуществляется коммуникация, хотя генетически он может происходить из слов и элементов разных языков, латынь и сегодня остается в известном смысле международным языком передачи специальной информации. Великий и могучий язык русской науки также освоил только нужную ему часть заимствований.

Современная научная лексика превосходит по своему объему общеупотребительную, она организована в систему и в то же время подсистемна, так как ориентирована на различные предметно-понятийные поля: спорт, медицина, страхование, военное дело и мн. др.

Исследователь определенной области научного знания, профессиональный специалист — это своеобразные билингвы, которые владеют как общелитературным языком, так и конкретной подсистемой, связанной со сферой их деятельности.

Тем не менее, язык науки, шире — язык для специальных (профессиональных) целей не есть некий новый язык. Действительно, он использует специальную лексику, именуемую терминологией, но пользуется при этом грамматикой, способами языковой номинации и иными возможностями национального языка. Терминологическая лексика представляет собой особую совокупность специально культивируемой лексики, которая активнейшим образом способствует развитию не только науки, но и культуры конкретного народа, обогащает познание. Более того. Развитие новых отраслей знаний напрямую связано и взаимосвязано с совершенствованием национального языка — принцип «ниточки, следующей за иголкой».

Подводя промежуточный итог поставленной в статье проблеме о необходимости сохранения русского языка российской науки, прибегнем к цитированию авторитетных мнений о роли национального языка не только в культурно-историческом, но и перспективном развитии конкретной нации. Так, академик Д.С. Лихачев писал в книге «Русская культура», что культура (позволим добавить — и язык как ее составляющая) — это огромное, целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией.

Вильгельм фон Гумбольдт постоянно указывал на неразрывную связь языка и народа. В его докладе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» отвергается идея о том, что представления человека о мире независимы от его языка.

Языком науки, как и литературным языком, призван распоряжаться их творец — народ.

Проблема *lingua franca* в образовании и науке. Вернемся к проблеме не столько поиска, сколько навязывания в ставшем однополярном мире (без комментирования последствий однополярности) единого для международного общения языка. Поводов и аргументов для такой *идеологии* предостаточно. В их числе весомые.

Действительно, окружающий нас мир стремительно превращается в **общество и экономику интенсивных знаний**, которые приходят на смену экономике интенсивного труда и интенсивного капитала. В результате продолжительность периода ценности знаний сокращается, концепции образования становятся изменчивыми. *Multiple career*, или многосторонний характер деятельности, меняет картину студенчества, стили обучения и педагогического взаимодействия, учебные программы и проекты. За последние десятилетия усилилась международная образовательная мобильность в среде студентов и преподавателей. Существенно возросла международная ориентированность науки. Обозначается переход европейской науки и системы высшего образования с внутренней, национальной ориентации на международную, в которой доминируют американские стандарты.

Очевиднее всего эти тенденции проявляются в использовании английского языка в качестве *lingua franca*. Авторы процитированной выше публикации под названием «Американизация европейского высшего образования и науки» Л. Борганс и Ф. Кёрверс приводят в этой связи факты и статистику, к примеру, о скорости перехода отдельных научных областей на английский язык коммуникации. В отличие от гуманитарного знания и правовых наук, которые все еще продолжают развиваться на национальных языках, медицина, точные науки, а за ними экономика и общественные науки активно переключаются на английский язык.

Данная тенденция рассматривается Л. Боргансом и Ф. Кёрверсом применительно и к европейским научным журналам, в частности по экономике. Констатируется, с одной стороны, формирование международных, не имеющих конкретной страны происхождения экономических периодических изданий (1921 г. датируется выпуск первого такого журнала; с 1990 г. их стало 26); с другой — сокращение использования в них авторами родного языка. В качестве примера делается ссылка на Австрию, где преобразование ряда немецкоязычных журна-

лов в англоязычные (например, *Zeitschrift fur Nationalokonomie*) заняло 20-летие, в Италии (*Ricerca Economica*) и Нидерландах (*Journal of Economics*) этот процесс длился не более 10 лет.

«Американизацией» охвачены трансформирующиеся учебные программы, дипломы, степени, диссертации и другие научные труды.

В обозначенных нами явлениях сторонниками глобализации на научно-образовательном уровне видятся во многом положительные эффекты:

— *мягкая* научная и образовательная интернационализация, международная кооперация;

— повышение уровня трансферабельности, способности научных результатов из различных областей знаний к распространению за национальными пределами;

— перспектива сократить масштабы национальных сообществ, поскольку все больше ученых смогут присоединиться к международному сообществу, и т.д.

Lingua franca в мировом медиапространстве. Сопредельная тенденция развивается в масс-медиа. Назовем ее мягко — *информационная трансформация*. Взрывное развитие цифровых технологий и средств Интернета привело к тому, что содержание образования вообще и содержание предметного знания в частности уже не являются уникальной собственностью конкретного профессора, а в последнее время — и конкретного вуза. И это хорошо, так как является одним из путей ликвидации *увеличивающегося разрыва между качеством образования и ростом требований к компетенциям профессионала*. Безусловно, обществу требуются люди, которые могут работать с современными технологиями в изменяющихся внешних условиях, могут самостоятельно оценивать ситуацию, принимать оптимальные решения — образование призвано перестать готовить людей к нуждам уходящей экономики.

Наиболее заметное влияние масс-медиа оказывают на современное языковое пространство, которое прежде отражало национально-культурные особенности мировосприятия и динамичную систему ценностных отношений в конкретном социуме. Сейчас лингвокультурная организация мировой информационной сферы иная: глобализация проявляется, например, в том, что общий объем медиатекстов на английском языке заметно превышает объем текстов массовой информации на других языках. Причем данные тенденции распространяются не только на страны с небольшим количеством населения — носителей государственного языка (так называемые локальные языковые зоны), но и на государства, язык которых имеет статус языка международного общения (пример тому — Германия).

Англо-американский язык активизировал свое воздействие на немецкий язык со второй половины XX в. Известный российский исследователь И.И. Халеева в статье «Немецкий язык: функции, роль, эволюция» отмечает, что ориентация Западной Германии на США после Второй мировой войны привела к различного рода модификациям в структуре немецкого языка, прежде всего на уровне словаря, в частности фразеологии; в меньшей степени — на уровне грамматики и синтаксиса.

Заметим, однако, что сегодня на территории Германии наблюдаются отчетливо выраженный протест против употребления англицизмов и американизмов

в немецкой речи и многочисленные выступления в защиту чистоты немецкого языка. В частности, в сенате Берлина обсуждался вопрос о необходимости принятия соответствующего Закона о защите немецкого языка. Инициатором его принятия выступил сенатор по внутренним делам Э. Вертебах, заявивший, что англоизация (американизация) немецкого языка касается всех социальных слоев языкового сообщества и является результатом политико-экономического доминирования США в мире, что языковая власть находится сегодня в руках рекламных агентств, журналистов и сильных мира сего, интересующихся не языком, а теми эффектами, которые можно достичь с помощью языка.

Воздействие англо-американских масс-медиа на уровне языка проявляется в большом количестве заимствований английской лексики, используемой в русском языке. Приобрела размах тенденция, когда английскими заимствованиями вытесняются как русские, так и слова, ранее заимствованные из других языков: сэндвич (вместо *бутерброд*, немец.), слоганы (вместо *лозунги*, немец.), хит (вместо *шлягер*, немец.), дисплей (вместо *экран*, франц.). Глобальная распространенность английского языка — ее нередко именуют галопирующей — приводит к вытеснению прижившихся в русском языке, освоенных из других европейских языков слов: *пресс-конференция* (франц.) вытесняется *брифингом*, *авторитет* — *рейтингом*, *реклама* — *наблицити* и др.

Возможно, это не жизненно важные для языка потери, тем более что он — в отличие от русского характера, который, как правило, противится новшествам, — нередко податлив моде. Отмечается ежедневное пополнение словаря русской лексики 7—8 новыми словами, которые проникают в русский язык в основном из английского словаря. Считается, что если число языковых заимствований превышает 3% — это негативная для выживаемости языка тенденция. В русском языке количество заимствованных слов достигло 10%, вместе с тем наш отечественный язык как бы растворяет в себе иностранные слова, приспособлявая их к нуждам системы. И нередко делает это успешно. Примером тому служит существительное *спонсор*, которое развило свою семантику в новых образованиях: спонсировать, спонсорский.

Отказ от слепого поклонения заимствованиям, политику уважения к отеческому языку демонстрирует Франция. Во Франции единственный государственный язык — французский. Это страна, которая по конституции не признает наличия национальных меньшинств: все граждане — французы. Поэтому законодательно не существует никакой поддержки изучению родного языка для иммигрантов. Франция признает лишь наличие так называемых «языков Франции» (75 языков, включая языки заморских территорий). Только 13 из этих языков преподаются в школах. Их юридически называют *региональными*, но не *языками национальных меньшинств*.

Французская Академия призвана следить за чистотой французского языка. Интересен в связи с рассматриваемой проблемой следующий факт: верхняя палата французского парламента несколько лет назад одобрила законопроект о штрафах за неуместное использование в общественной жизни и коммуникации английских слов. Ситуация строго отслеживается (более мягкую политику в данном вопросе

заняли Германия, Япония, Великобритания: филологи этих стран составляют списки американизмов, подлежащих изгнанию из государственных языков).

Безусловно, борьба за родной язык не отменяет интереса к изучению иностранных языков, в том числе языков государств-соседей. По популярности во Франции лидирует английский язык — 62% от общего количества пользователей иностранными языками. На втором месте — испанский — 19%. На третьем месте — немецкий язык. На четвертом — итальянский. На пятом — русский язык — 0,2%. Но так было не всегда.

В недалеком прошлом, в 60-е гг. XX столетия, правительство Франции смогло справедливо оценить ситуацию и приняло политическое решение о том, что количество изучающих русский язык в учебных заведениях надо довести примерно до 30 тыс. человек. Под это решение подстраивались и учебные программы, и бюджет министерства образования. Сейчас русский язык изучают не более 14 тыс. человек, хотя около тысячи французских фирм осуществляют свою деятельность в России, и в целом интенсивность российско-французских отношений такова, что постоянно требуются переводчики, специалисты по России.

Россия более толерантна и традиционна в предоставлении своим гражданам возможности выбрать для изучения иностранный язык. Так, французский язык учат более 4 млн россиян. Российские вузы ежегодно выпускают и дают дипломы сотням преподавателей французского языка. Это сознательная политика, и она поддерживается государством. В отечественной дидактике преобладает мнение о том, что различные иностранные языки открывают непосредственный доступ к огромному богатству этносов, служат важным средством взаимопонимания и взаимодействия различных народов; что обучение иностранным языкам позволяет преодолеть в воспитании подрастающего поколения национальный *культуроцентризм*, значительно повысить роль гуманитарного знания.

В настоящее время российское высшее профессиональное образование также находится в эпицентре *процессовинтернационализации*. Как известно, в их обосновании лежат а) идеи об универсальном характере знания; б) попытки разработать с этой целью мировые образовательные стандарты, которые будут способствовать всемерному сближению национальных образовательных систем, в) стремление обеспечить мобильность всех субъектов образовательного процесса — обучающихся и обучающихся. Это и не только это подталкивает вузы России к реализации образовательных программ на английском языке. Но в одном ли языке тут дело?

В статистическом сборнике «Экспорт российских образовательных услуг» указывается, что уровень удовлетворенности зарубежных учащихся пребыванием и учебой в России далек от обнадеживающего. Главные претензии связаны с качеством профессионального образования. Иностранцами отмечаются:

- неудовлетворительное содержание и устаревшие методики обучения (учеба «на пальцах»),
- отсутствие хорошо организованных практик и практик как таковых,
- несоответствие качества обучения и его стоимости,
- нехватка классической и новой учебно-хрестоматийной литературы,

— наличие предметов, никоим образом не связанных с будущей специальностью,

— иные социальные проблемы, связанные с личной безопасностью,

— языковой и межкультурный барьеры.

Обозначая проблему глобализации языка современной науки, считаем, что ее не следует решать *здесь и сейчас*, тем более в пользу одного — иностранного — языка. Безусловно, пришло время общения ученых без посредника, переводчика, время обсуждения актуальных вопросов в режиме *on line*. Не стоит ли в этой связи заострить внимание на решении проблемы профессионально-научного билингвизма, чтобы данное обстоятельство не служило тормозом для развития и распространения научных знаний на национальных языках, для обмена опытом между национальными научными школами и учеными.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балыхина Т.М.* Научные теории и практика коммуникативной адаптации // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». — 2010. — № 4.
- [2] *Балыхина Т.М.* Изучение русского языка как приобретения нового взгляда на мир // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». — 2010. — № 3.
- [3] *Борганс Л., Кёрверс Ф.* Американизация европейского высшего образования и науки / NBER Working Paper 15217. URL: <http://www.nber.org/paper/w15217> (пер. с англ. Е. Покатович).
- [4] *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. Изд. 5-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

THE FUTURE OF RUSSIAN LANGUAGE IN AMERICANIZATION OF HIGHER EDUCATION: FACTS AND PREDICTIONS

T.M. Balykhina

Faculty of re-training of Russian language teachers

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the issues of globalization (Americanization), internationalization of higher education, there are identified potential positive effects and negative consequences, including for domestic languages. The author discusses the problem of the need to preserve the national languages of science and its solution, describes the experience of Germany, France, to preserve an identical cultural and linguistic space.

Key words: Russian language, Russian science, American standards, higher education, internationalization, globalization.